

В современной лингвистике отмечается несомненный и все возрастающий интерес к проблемам языка художественной литературы. Изучение художественной речи в русистике имеет давние традиции – этой проблемой, как известно, интересовались Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев и многие другие (ср., например, [Виноградов 1959; Винокур 1959; Григорьев 1986]). Чаше всего при этом в поле зрения исследователей оказывается язык поэзии, что неслучайно, поскольку поэту предписывается особая чуткость к языку, «поэты, независимо от их собственных намерений, исследуют свойства языка в его динамике, во многом опережая лингвистов» [Зубова 2010: 5]. Отражение в языке литературного произведения активных языковых процессов изучается в самых разных аспектах. Об этом говорят многочисленные работы, в том числе и последних лет: многотомные «Очерки истории языка русской поэзии XX века» (см., например, [Очерки 1993]), [Поэтическая грамматика 2005] и ряд других (укажем хотя бы работы [Некрасова, Бакина 1982; Ионова 1988; Зубова 2000; 2010; Фатеева 2006]). Однако поэтический язык все еще изучен неравномерно. Так, Я.И. Гин предлагал обратить особое внимание

на влияние системы языка на поэтическую конструкцию: «Наибольший же интерес представляют случаи такого диалога языковой и поэтической структуры, когда обе стороны одинаково активны и равноправны. В результате этого процесса формируются *лингвопоэтические факты*, которые следует рассматривать в обоих – лингвистическом и поэтическом аспектах: их описание и особенно интерпретация только в одном аспекте могут оказаться неполными и даже некорректными» [Гин 1996: 133–134]. Тем не менее, лингвистический аспект до сих пор разрабатывался недостаточно. Изучение авторских идиостилей, индивидуальных поэтических систем представляет значительный интерес – об этом, в частности, говорит бурное развитие авторской лексикографии [Авторская лексикография 2003]. Но не менее важно изучение художественной речи с точки зрения системы языка: здесь можно назвать ряд исследований последних лет (например [Ремчукова 2005]), и прежде всего – работы Л.В. Зубовой и Н.А. Николиной, автора рецензируемой книги.

Материалом для исследования послужила русская художественная речь рубежа XX–XXI веков, времени, которое справедливо на-

зывается поворотным, определяющим новые возможности, и особенно в языке. Изучение языка современной русской художественной литературы сопряжено с определенными трудностями, в том числе связанными с тенденцией к расширению рамок допустимого в сфере языка. Современная литература исключительно многообразна, однако чаще всего внимание исследователей привлекают яркие и выразительные лингвопоэтические факты, представляющие собой заметное нарушение норм современного языка. С другой стороны, это зачастую вызывает неприятие и протест: либо лингвиста обвиняют в сведении современной поэзии исключительно к эксперименту, либо автора – в произволе и порче языка. Действительно, трудно ожидать однозначной реакции на такие стихи: *В пещёрен угловы, где днем согнём, // а за ночь разогнётся понемногу, // спросунок мыслица вползаеца и в нем, // душой елозая, завернутая к богу, // о постных тщах насущных думясь, // о Дажьдьямдне и о Долгине* (В. Строчков). Такую поэзию можно воспринять как всего лишь стремление к оригинальности, в лучшем случае как языковую игру, но можно в ней увидеть и отражение современных тенденций развития языка.

Наверное, главным достоинством книги Н.А. Николиной является установка на максимальную широту подхода. Прежде всего, это подход лингвиста: хотя в работе приводятся очень большое количество прокомментированных автором примеров из современной литературы, важнейшую роль играет не описательная, а теоретическая составляющая. Особенности художественной речи рассматриваются в сопоставлении с процессами, происходящими в других функциональных стилях: в языке СМИ, в разговорной речи, в языке Интернета. Важно, что в книге анализируется язык как поэзии, так и прозы, а также драмы (как уже отмечалось, язык современной прозы и драмы описан в значительно меньшей степени, чем язык поэзии: см., например, [Бабенко 2007]). Важно, что Н.А. Николина анализирует и обобщает материалы многочисленных исследований последних лет, особо выделяя лингвистические комментарии писателей-филологов. Происходящие в современном языке процессы прослеживаются автором на разных уровнях языка: на уровне морфемы, слова, словосочетания, предложения и текста. Все сказанное определяет в целом структуру работы.

Рецензируемая монография состоит из шести глав. Три главы посвящены активным процессам в лексике и фразеологии, словообразовании и грамматике современной художественной речи (таким образом, вне сферы

интересов автора остается фонетика). Четвертая глава отведена отдельной проблеме, особо важной, по мнению исследователя: переосмыслению и функционированию в разных родах литературы категории времени. В пятой и шестой главах рассматриваются особенности языка современной прозы и драмы. Хотя Н.А. Николина в своей работе стремится к всестороннему освещению активных процессов в языке современной литературы, полнота анализа на данном этапе едва ли достижима, поэтому автор в каждом разделе ограничивается исследованием нескольких наиболее ярких явлений, что отражено в названиях параграфов. Менее подробно анализируются проблемы, которые так или иначе разрабатываются в существующей литературе или же такие, которые еще предстоит исследовать. В частности, как уже отмечалось, за пределами книги остается анализ фонетики современного художественного текста (что справедливо, поскольку этот аспект изучен достаточно хорошо). Проблема, которую можно назвать центральной, – активным процессам в грамматике – посвящена третья глава книги, об основных направлениях исследования говорят названия параграфов, которые стоит привести:

Эллипсис и усиление значимости служебных слов. «Эмансипация» предлогов;

Активизация непредикативных глагольных форм;

Ослабление различий между словами разных грамматических классов;

Расширение круга ненормативных форм и конструкций;

«Дезактивация» субъекта и усложнение функций инфинитива.

Таким образом, упоминаются, но не выделяются особо такие известные явления, как возвращение и переосмысление различных грамматических архаизмов, эксперименты с категориями рода, числа, одушевленности и др. (об этом см., например, [Зубова 2000]).

В монографии рассматриваются активные процессы, характеризующие развитие языка современной русской художественной литературы. По мнению Н.А. Николиной, «развитие современного русского языка в последние десятилетия характеризуется рядом процессов, которые наиболее ярко проявляются в лексике и словообразовании, но затрагивают и единицы других языковых уровней» (с. 7). Среди таких процессов можно назвать функциональный динамизм, коллоквиализацию, тенденцию к компрессии, рост числа заимствований, расширение круга несклоняемых слов или компонентов сложных образований и др. Новые тенденции в художественной речи «связаны с ее эволюцией, с открытием новых приемов выразитель-

ности, но одновременно они, возможно, в какой-то степени предвосхищают определенные изменения в языке» (с. 7). Выявление активных языковых процессов, по словам автора, важно для объективного описания современной художественной речи, разграничения потенциального и окказионального. Рассмотрение таких процессов «позволяет проследить наметившиеся изменения в современной картине мира, в его восприятии и оценке, показать движение идей и преобразование устоявшихся понятий» (с. 8).

Как отмечает автор, «для современной художественной речи характерно последовательное усиление метаязыковой рефлексии» (с. 49). Если «грамматическая тема» изредка встречается в поэзии XIX в. и достаточно характерна для литературы XX (например, у Мандельштама), то для современной поэтической речи «лингвоцентризм» становится одной из отличительных черт. Это в частности выражается в широком использовании и переосмыслении лингвистических терминов: *И все это причащается и деепричащается // К Слову...* (С. Моротская)¹.

Активные процессы в словообразовании в современной художественной речи Н.А. Николина видит в «обнажении» деривационных связей слова в тексте, развитии словотворчества, которое «характеризуется рядом особенностей: это высокая активность разных типов сложения и развитие новых форм сращения, установка на смысловую диффузность и множественность интерпретаций слова (и шире текста), размывание границ между морфемами, отдельными словами, словом и предложением в структуре текста и одновременно сегментация и усечение лексических единиц» (с. 119). Авторским употреблением (таким как *неврастение, люциферма, моралитик, любабочка, вездесь*) исследователь находит аналогии в современной разговорной речи, которая широко отражается в СМИ (*прихватизация, чубаучер* и т. п.). Различные способы оформления сегментации и пересегментации, контаминации слов используются как в художественной речи, так и в публицистике. Ср. в языке поэзии: *(без)ум(ного)смысла* (Д. Давыдов); *Шопен(подумав)гауэр* (С. Бирюков); *прошлоГО // Речь // от чаши // НАСТОЯ // щего* (Е. Кацюба) и в газетных текстах: *бес-перспективный, заДУ-МАйся* и т. п. Дефисные комплексы-сращения, распространенные в художественной речи, Н.А. Николина соотносит и с философской, искусствоведческой терминологией («ни-то-ни-другое», «бытие-в-мире»), и с тенденция-

ми разговорной речи (*чай-кофе, трансляции футболов-хоккеев*), ср.: *хожу-как-блуждаю* (Г. Айги), *стук снизу //похожий на что-то-не-так* (М. Котов) и др.

Для грамматики современной художественной речи «характерны такие явления, как широкое использование компрессии, незамещение синтаксических позиций в предложении, усиление дискретности, повышение роли служебных элементов и их «эмансипация», активизация транспозиции, расширение сочетаемости глаголов, вычленение потенциальных грамм из состава слова» (с. 176). Все эти явления можно, как указывает автор, найти и в современной разговорной речи, ср.: *Лестница, а по крысы бегают...* (В. Соснора) и *Вам чай с сахаром или без?* (разг.). Другой особенностью грамматики современной поэтической речи Н.А. Николина называет «расширение круга ненормативных форм и конструкций» (с. 155), это же явление в живой речи лингвисты нередко соотносят со стремлением говорящих осмыслить норму или же заполнить пустые клетки грамматической системы, ярким примером чего можно назвать образование причастий будущего времени, «которые все активнее используются в настоящее время и в языке СМИ, и в языке Интернета», например, *пожелающий, сделавший* и т. п. (с. 159), ср. в языке поэзии:

*Вот я – пойдуций и найдуций.
Вот я – дорогу перейдуций.
Не то в грядущее бредуций,
Не то в бредущее грядущий.*

(А. Левин)

Особое внимание исследователь уделяет выражению в языке современной литературы времени, отмечая, что для современного взгляда на мир характерна текучесть, отчасти релятивность изображаемого, установка на сомнение, семантическую вариативность, таким образом, в тексте зачастую пропадает граница между историей и литературой, жизнью и текстом (с. 8, 177–179).

К основным особенностям языка современной прозы и драмы автор монографии относит новые способы оформления текста и его компонентов: усложнение нарративной структуры современного прозаического текста и новые тенденции оформления чужой речи, использование «беспунктуационных» текстов, преобразование ремарок в современной драме, «обнажение» интертекстуальных связей. Тут надо отметить, что проза и драма, несмотря на идею книги, рассматриваются все же менее подробно, чем поэзия. Этому, безусловно, есть объективные причины, так что уменьшенную, но все же сохраняющуюся диспропорцию нельзя причислить к недостаткам монографии.

¹ Все примеры взяты из рецензируемой книги.

С другой стороны, определенные недочеты (тем более – при широте поставленной автором задачи), к сожалению, почти неизбежны.

Некоторые недоумения, возникающие в процессе чтения книги, можно отнести к не очень четкому определению ее потенциального адресата. В аннотации указывается, что «книга предназначена для преподавателей русского языка и литературы, аспирантов, студентов филологических факультетов» (возможно добавление стандартного выражения «и всем, кто интересуется русской литературой»). Таким образом, определяется достаточно широкий круг читателей, что, безусловно, верно: с одной стороны, проблема развития (или же – порчи, деградации) русского языка исключительно актуальна и обсуждаема, с другой стороны, в книге собран богатый иллюстративный материал, интересный сам по себе. Однако книга Н.А. Николиной представляет собой теоретическую лингвистическую работу, причем важную роль в ней играет обращение к философии языка. В связи с этим книга насыщена терминологией, в том числе и не самой общеизвестной. Так, можно представить интересующегося поэзией читателя из круга, обозначенного в аннотации, которому не совсем понятны будут такие места: «В поэтическом же тексте голофрастические сращения, близкие к инкорпорирующим комплексам, выступают и в функции предиката» (с. 136); «возрастает, прежде всего, число объектных валентностей глагола, а сирконстанты с временной семантикой дополняются или заменяются сирконстантами с пространственным значением» (с. 162). Как представляется, пояснение некоторых терминов не слишком утяжелило бы книгу, но зато сделало бы ее полезнее для читателя-студента – хороший и простой образец такого приёма находим во «Введении»: «коллоквиализация, т. е. усиление влияния разговорной речи» (с. 7).

Стремлением не увеличивать объем книги можно объяснить и другие неясности. Например, на с. 34–35 за утверждением «фразеологизмы привлекают современных поэтов» и рядом примеров следует фраза: «В современной поэтической, как и в живой разговорной речи, фразеологизмы относительно немногочисленны – в ней преимущественно доминируют интертекстуальные включения»; чуть далее говорится: «Наряду с этими фразеологическими единицами (далее ФЕ) в связи с общей демократизацией языка художественной литературы широкое распространение в современной поэтической речи получили просторечные и жаргонные ФЕ». Создается впечатление либо нелогичности (остается неясным – характерно или нехарактерно для современной

литературы употребление фразеологизмов), либо недосказанности: возможно, в каждом из утверждений имеются в виду разные единицы.

С другой стороны, в рецензируемой работе можно найти примеры и некоторой избыточности. Если повторы теоретических обобщений могут быть ориентированы на читателя-студента, то повторы примеров кажутся не совсем оправданными, поскольку выбранный автором материал предоставляет значительное количество ярких иллюстраций. Например, читаем на с. 257–258: «Полидискурсивность распространяется и на современную автобиографическую драму... Так, пьеса Е. Исасвой “Про мою маму и про меня”, основанная, по признанию автора, на документальном материале, строится с учетом различных жанровых моделей школьных сочинений», далее следует пример, занимающий около трети страницы. Этот же пример приводится на с. 310–311: «Так, в автобиографической пьесе Е. Исасвой “Про мою маму и про меня” развитие сюжета опирается на обращение к школьным сочинениям разных жанров и использует ситуацию школьного урока» (следует пример). Сходным образом, один и тот же пример из романа М. Шишкина «Взятие Измаила» приводится на с. 235 и 263.

При том, что книгу отличает яркая индивидуальность, и более того – изящество оформления (вплоть до оглавления и нумерации страниц), изложение, к сожалению, сопровождается небрежностями, которые нередко затрудняют восприятие текста. Это и опечатки (как в тексте, так и в примерах; см., например, с. 306, 309), и разноречивость в оформлении примеров (см. например, с. 72, с. 74–75, с. 268–269), и непоследовательность ссылок на литературу ([А. Скидан] на с. 175 и [Скидан 2003, 12] на с. 176).

Таким образом, если предположить, что проблема с определением круга читателей может быть решена и объем книги увеличен, следует ожидать, что «дополненное и исправленное» издание монографии Н.А. Николиной будет весьма полезно и не менее интересно, чем рецензируемая книга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторская лексикография 2003 – Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Ю.Н. Караулов (отв. ред.). М., 2003.
- Бабенко 2007 – Н.Г. Бабенко. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб., 2007.

- Виноградов 1959 – *В.В. Виноградов*. О языке художественной литературы. М., 1959.
- Винокур 1959 – *Г.О. Винокур*. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Гин 1996 – *Я.И. Гин*. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы. СПб., 1996.
- Григорьев 1986 – *В.П. Григорьев*. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
- Зубова 2000 – *Л.В. Зубова*. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
- Зубова 2010 – *Л.В. Зубова*. Языки современной поэзии. М., 2010.
- Ионова 1998 – *И.А. Ионова*. Поэтический курс русского языка. Кишинев, 1998.
- Некрасова, Бакина 1982 – *Е.А. Некрасова, М.А. Бакина*. Языковые процессы в современной русской поэзии. М., 1982.
- Очерки 1993 – Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993.
- Поэтическая грамматика 2005 – Поэтическая грамматика. Том I / И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова (отв. ред.) и др. М., 2005.
- Ремчукова 2005 – *Е.Н. Ремчукова*. Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005.
- Фатеева 2006 – *Н.А. Фатеева*. Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков. М., 2006.

А.С. Кулева